

⁵ ГДСОПСИО в 1992 г. Иркутск, 1993. С. 70, 75; Природно-ресурсный потенциал Иркутской области. Иркутск, 1998. С. 179.

⁶ Мельник А.В. Динамика антропогенных ландшафтов Западного Забайкалья: (Ист.-геогр. аспект). М., 1999. С. 298.

⁷ Проблемы Байкала. Улан-Удэ, 1985. С. 75.

⁸ Иметхенов А.Б. Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. Новосибирск, 1997. С. 209.

⁹ Заповедники Сибири: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 223.

¹⁰ Вост.-Сиб. правда. 1998. 15 апр.; Заповедники Сибири: в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 25; М., 2000. Т. 2. С. 217.

¹¹ Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Исторический обзор развития заповедной системы Сибири // Заповедники Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 217.

¹² Государственный доклад, 2007. С. 9.

¹³ Там же. С. 50–51.

¹⁴ Бурятия. 2006. 14 сент. С. 3.

¹⁵ Посчитано по: Государственный доклад, 2007. С. 61.

В.Н. КАЗАРИН

РАЙОНИРОВАНИЕ СИБИРИ И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920-ГГ.: ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ БУРЯТИИ»

С начала 1924 г. в Верхнеудинске, административном центре Бурят-Монгольской автономной республики, стал выходить журнал «Жизнь Бурятии». Его статус определялся как «ежемесячный журнал, издаваемый при ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР и посвященный вопросам жизни и хозяйства Бурятии».

К этому времени Бурят-Монголия уже стала самостоятельной автономной единицей. В статье, открывавшей первый номер журнала, глава правительства Бурят-Монгольской АССР Михей Николаевич Ербанов¹ определил основную задачу центрального печатного органа республики. Она заключалась в выявлении и изучении «всех наших хозяйственных планов и возможностей, путем привлечения к сотрудничеству в журнал наиболее подготовленных и активных работников Бурятии, в особенности хозяйственников»². Состав редакционной коллегии был сравнительно небольшой. В нее входили в разное время Матвей Иннокентьевич Амагаев, М.Д. Берман, Николай Николаевич Козьмин, И.А. Ильин, Д.М. Иванов и др.

М.И. Амагаев в мае 1923 г. был направлен в Бурят-Монголию заместителем председателя ревкома, а на первом съезде Советов БМ АССР его избрали председателем Центрального Исполнительного Комитета Бурят-Монгольской республики. Кроме этого, он отвечал за деятельность Госплана республики, министерства финансов, занимался организацией издательского дела³. И.А. Ильин являлся председателем Госплана БМ

АССР, Н.Н. Козьмин после образования республики занимал должности заместителя наркома земледелия, заместителя председателя Госплана, председателя бюро научных исследований в Бурят-Монголии⁴. На страницах журнала часто выступали лица, занимавшие ответственные должности в государственном и партийной аппарате республики, поэтому журнал выражал официальную точку зрения по кругу рассматриваемых на его страницах проблем.

Это обстоятельство для нас очень важно, поскольку предоставляет возможность определить открыто выраженную позицию руководства Бурят-Монголии и аргументацию этой позиции по одному из важнейших вопросов середины 1920-х гг. А именно вопросу о кардинальных административно-территориальных преобразованиях, которые происходили тогда в стране, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Позиция журнала поможет ответить на вопрос: почему в то время как соседние Иркутская и Забайкальская губернии постоянно меняли не только свой статус, но и административно-территориальные границы, входя то в Сибирский и Дальневосточный края, то в Восточно-Сибирский край, то в Восточно-Сибирскую область, пройдя путь и испытав на себе все «прелести» преобразований от губернии к округам, а затем к краю и области, а республика не только сохранила свой статус, да еще и приобрела новые территории. Вопрос далеко не праздный, тем более учитывая ту хотя и сдержанную, но полемику, которая сопровождала процесс создания новых субъектов Российской Федерации в 2006 и 2007 гг., когда происходило объединение двух бурятских автономных округов: Усть-Ордынского и Агинского соответственно с Иркутской и с Читинской областями. В последнем случае образовался субъект РФ с новым названием, не имевший аналогов в прошлом: Забайкальский край.

В контексте заявленной проблемы, исходя из тех материалов, которые нашли отражение на страницах журнала, целесообразно остановиться на следующих вопросах. Рассмотреть отношение авторов журнала к прежнему дореволюционному административно-территориальному делению (АТД) и соответствующим преобразованиям до образования Бурят-Монгольской автономии, их позицию к проектам районирования Сибири, и в частности, к проекту создания Лено-Байкальской области и предполагаемому вхождению в нее Бурят-Монголии, а также вопросы собственного внутри республиканского районирования в 1920-е гг.

Необходимо отметить, что изучение автором статьи самой разнообразной литературы 1920-х гг. дает основание сделать следующий вывод: практически все государственные, политические деятели, ученые, публицисты, специалисты различных соответствующих ведомств считали прежний, то есть дореволюционный административный строй и административно-территориальное деление неприемлемым для Советского государства. Доводов в обоснование такой точки зрения приводилось немало. Их анализ не входит в задачу настоящей публикации.

Отметим, что авторы журнала «Жизнь Бурятии» не являлись исключением. Неудовлетворенность старого АТД Н.Н. Козьмин видел в том, что «у него не было единой основы, образующего базиса. Те или иные губернии создавались не потому, — писал Козьмин, — что это были естественно-географические районы, замкнутые естественными границами с определенным составом населения по экономическому или этнографическому признаку, а потому, что в этих границах удобнее было администрировать». Козьмин вполне справедливо критически оценивал и те административно-территориальные изменения, которые происходили в первые месяцы и годы установления Советской власти. Путаная перекройка прежних губернских и волостных границ «временами и местами угрожала превратиться в какую-то административную чехарду»⁵, — отмечал он.

Подобное неприятие прежнего АТД мы наблюдаем в статье Е.С. Соллертинского. Он утверждал, что старые границы были созданы «под знаком административных вождедений великодержавного центра, путем узурпации территориальных прав национальных меньшинств, вне каких-либо поползновений построить районы на их экономическом самодавлении». Естественно, они не отвечали хозяйственно-экономическим нуждам разросшихся областей. К тому же в условиях «мощной эмансипации малых народностей», — подчеркивал он, — очевидность коренной перестройки административных единиц становится совершенно очевидной⁶.

Одним из центральных вопросов тех лет был вопрос о районировании, его основополагающих принципах, масштабе, новых административно-территориальных границах. На различном уровне было выдвинуто несколько проектов районирования. По этому вопросу высказывались ответственные работники ВЦИК, Госплана, областных и республиканских органов власти, ученые-специалисты в различных отраслях научного знания, публицисты.

Было предложено несколько планов. Сибплан, например, предложил проект районирования Сибири, в корне отличавшийся от проекта Госплана Союза ССР. Вместо четырех намечаемых областей (Западно-Сибирской, Кузнецко-Алтайской, Енисейской и Лено-Байкальской) было намечено создать одну область — Сибирскую. Довод в ее создание был следующий: Сибирь представляет единую экономическую цельную единицу. Но при этом Сибирь должна иметь свой хозяйственный план, согласованный с союзным, должен быть постоянный административно-хозяйственный орган, не только с надзирающими функциями, и имеющим властные функции, с постоянным аппаратом⁷. Эту точку зрения последовательно отстаивала газета «Советская Сибирь», которая писала о том, что за годы существования Советской власти «Сибирь успела сложиться как вполне реальное хозяйственное целое с чертами сельскохозяйственной области по преимуществу». Поэтому членение ее на какие-либо самодовлеющие части было бы не оправдано. Это привело бы, по мнению газеты, к разрыву уже устоявшихся сибирских хозяйственных связей в ущерб всему хо-

зайству Сибири. Эта точка зрения выражала основные подходы высшего органа власти Сибири (Сибревкома) по этой проблеме.

Но единого подхода у местных руководителей по этой проблеме не было. В Забайкалье, например, существовало два подхода. Один заключался в том, что Забайкальская губерния тяготеет к Дальнему Востоку; другая отстаивала противоположное мнение: Забайкальская и Иркутская губернии должны объединиться⁸.

Общие подходы к районированию были высказаны Н.Н. Козьминым в статье третьего-четвертого номера журнала за 1925 г. Признав непригодным как прежнее (дореволюционное) АД, так и эксперименты революционного размежевания границ, он считал, что сложившуюся «пятиэтажную» структуру надо упростить. На тот момент в административном строе РСФСР сложилась следующая структура: первичным звеном являлось сельское общество, далее шли волости, уезды, губернии, и, наконец, краевые единицы или автономные республики. В соответствии с общим планом районирования предполагалось образование обширных областей с мощными экономическими данными, чтобы создать самостоятельное областное хозяйство, финансы и бюджет. По мнению Козьмина, область должна быть «достаточно великой: Урал, Южное Поволжье, Среднее Поволжье, Центрально-Промышленная область, Северо-Западная область». Округ должен быть меньше прежней губернии, но больше старого уезда и иметь примерно 400–500 тыс. жителей. Низовым элементом должен явиться район с населением примерно 25–40 тыс. жителей. Эти параметры Козьмин считал приемлемыми как для Сибири, так и для Бурят-Монголии⁹.

Каким же он видел положение автономного образования «в лице Республики» в реформируемой системе? Козьмин отвечал, что республика должна дать «возможность отсталому в хозяйственном и культурном отношении бурят-монгольскому народу организовать свои культурные силы, построить свое хозяйство и подтянуться к уровню других членов Советского Союза». Но вхождение БМ АССР в состав проектируемой области, по мнению Козьмина, будет означать, что на ее территории будут хозяйствовать и управлять сверху, а население ее так и останется политическим и хозяйственно пассивным и отсталым. Поэтому Козьмин допускал только следующую дилемму. «Нужно выбирать между чисто хозяйственной, экономической основой для создания Лено-Байкальской области и сохранением национально-автономного образования в виде Бурят-Монгольской республики на положении самостоятельной области». Иначе говоря, БМ АССР может сохраниться только в статусе автономной республики; войдя в состав более крупного территориально-хозяйственного образования, она как национальная автономия не сохранится. Бурят-Монголия обязана своим существованием Советской власти. Так зачем же, — ставил вопрос Н.Н. Козьмин — «нужно потерять те мотивы, которые привели к созданию автономной республики»? И при-

вел тезис, который он приводил в дальнейшем почти всегда: Бурят-Монгольская республика обладает достаточной территорией и достаточными кадрами хозяйственно-организованного населения, чтобы в качестве самостоятельной области построить целесообразный хозяйственный план и осуществить его практически¹⁰.

Таким образом, Козьмин считал, что если БМ АССР войдет в состав Лено-Байкальской области (ЛБО), то население ее так и останется пассивным и отсталым. То есть ничего не изменится со времен проведения внутренней политике в районах, отличавшихся особым национальным составом при царизме, пользуясь старой терминологией, который тот же Козьмин неоднократно обличал в своих публикациях.

Общие принципы районирования считал применимыми и к Бурят-Монголии А. Вурцбахер. Прежнее АД Российской империи он именовал «военно-административными клетками», а в основу нового полагал нужным положить «комбинации природных особенностей, культурных накоплений прошлого», но главное — это народнохозяйственный принцип «с какой-либо определенной специализацией, вытекающей из естественных ресурсов и навыков населения». Новые образования должны быть, прежде всего, районами экономического строительства, а не районами управления, как раньше. А административным функциям А. Вурцбахер отводил второстепенное значение. Кроме этого, он перечислил и две «второстепенные цели». При новом районировании должно быть сокращение расходов на содержание управленческого аппарата, а также его упрощение с одновременным приближением к населению. По отношению к районированию Бурят-Монголии Вурцбахер выделял дополнительно выделение в особые хозяйственно-административные единицы основных групп населения: бурят и русских, расселенных «впережку» друг с другом¹¹.

В Бурят-Монголии интерес к вопросу создания ЛБО был особенный. Объяснялось это тем, что в соответствии с проектом создания Лено-Байкальской области (края), которая должна была включать в себя Иркутскую и Забайкальскую губернии и Бурят-Монгольскую республику, вставал вопрос о целесообразности включения в нее именно БМ АССР. Если этот вопрос решался положительно, то возникал другой, не менее важный, в каком статусе?

Уже в первом номере журнала Н.Н. Козьмин вполне определенно высказался по этой проблеме. В дальнейшем он будет высказываться многократно, часто повторяя собственные аргументы, и публично, и публикуя отдельные брошюры, и выступая в различных печатных изданиях. В этом смысле журнал «Жизнь Бурятии» явился для него удачной медийной трибуной, которой он постоянно пользовался.

Итак, посмотрим, каково отношение Н.Н. Козьмина к затронутой проблеме. Он активно включается в дискуссию о районировании и о проекте образования ЛБО. Козьмин разделял общие подходы к районированию, заключавшиеся в том, что в их основе должны быть «реальные,

естественно-географические и хозяйственные данные» Проект создания Лено-Байкальской области в указанном выше составе Н.Н. Козьмин определил категорически остро: «это будет самая захудалая область из всех областей по СССР». В качестве доказательства своей позиции он привел следующие аргументы. И Иркутская, и Забайкальская губернии дефицитны «по хлебам и мясу». Там нет ни крупной обрабатывающей, ни крупной добывающей промышленности. Лено-Витимский золотопромышленный район он назвал «пресловутой золотопромышленностью», перешедшей в распоряжение «иностранных капиталистов», и совершенно чуждой местному хозяйству.

Как же Козьмин оценивал в связи с этим возможности Бурят-Монголии? Признавая дефицитность бюджета республики, он не считал его «безнадежным». Мероприятия «по ветеринарии, мелиорации и транспорту» могли дать значительные доходы. И при этом он признавал, что «дефицит до 500 тыс. золотых рублей надо признать неизбежным». Самостоятельное будущее Бурят-Монголии Козьмин видел за счет развития сельского хозяйства, основанного на скотоводстве, а также наличия западных аймаков, которые могли дать достаточное количество хлеба для восточных. К тому же наличие леса, угля, железа, сульфата, соли давало основания для «заводов и фабрик, обработки продуктов сельского хозяйства и рыбопромышленности». По мнению Н.Н. Козьмина, все это давало право говорить о Бурятии как географической и экономической области¹².

В доводах Козьмина обращает внимание следующее. Состояние более развитых в экономическом отношении Иркутской (в большей степени) и Забайкальской (в меньшей степени) губерний он расценивает крайне критично и статично, без обозначения перспектив какого-либо развития. Состояние же БМ АССР расценивается только с точки зрения именно перспектив, признавая при этом тот же дефицит бюджета, который и, с его слов, является признаком «слабости» западного и восточного соседа республики.

В следующий раз мнение Н.Н. Козьмина по вопросу о районировании Сибири прозвучало в четвертом-пятом номере журнала «Жизнь Бурятии» за 1924 г. Автор, подписавшийся псевдонимом «В», изложил позицию новониколаевских (новосибирских) властей, стоявших за единую цельную Сибирь, а также изложил отношение к процессу районирования своих восточных соседей — забайкальцев. И здесь он со знанием дела сослался на позицию Н.Н. Козьмина по вопросу создания ЛБО. Со страниц журнала вновь прозвучало категоричное утверждение Козьмина о том, что в этом случае произойдет «объединение двух нищих (Иркутской и Забайкальской) губерний». Прозвучал и новый подход. Новый не в смысле нового в системе аргументации Козьмина, а в плане озвучивания его именно на страницах журнала. Он заключался в тезисе о том, что «Иркутская губерния должна связаться с Енисейской губернией, а Забайкальская губерния тяготеет к Дальнему Востоку». К этой теме Козь-

мин возвращался позднее постоянно. Что касается самой Бурят-Монголии, то автор статьи еще раз сослался на Козьмина, который утверждал, что республика представляет собой «самостоятельную область и при этом имеет все данные для построения своего областного хозяйства на прочном базисе». Поскольку главным, и это еще раз было подчеркнуто, оставался национальный принцип¹³.

Национальный признак относил к числу основных и Е.С. Соллертинский. Он также жестко критиковал «защитников Лено-Байкальской области» за то, что последние, по его мнению, выступая за создание единой области, не учитывали историко-этнических свойств бурятского народа. А признание «административной национальной автономности» означало, как он утверждал, «не считаться с различиями в главных принципах освоения хозяйственных возможностей страны различным национальным составом населения»¹⁴.

Развивая свои положения по вопросам районирования Н.Н. Козьмин издал специальную брошюру. В основу брошюры был положен доклад, с которым он выступил в качестве председателя секции по районированию при Госплане БМ АССР. Главное положение, которое отстаивал Козьмин, заключалось в том, что «вхождение Бурят-Монгольской республики в состав проектированной Лено-Байкальской области находится в неустрашимом пока противоречии с положениями ее, как автономно-национального образования». Лено-Байкальская область, по его мнению, не имела хозяйственной базы, основывалась «из заведомо в настоящее время дефицитных частей, из коих только Бурят-Монгольская республика могла в ближайшем будущем обеспечить себя основными продовольственными запасами». Но даже если БМ АССР будет иметь дефицитный общий бюджет, то это будет оправдано, писал Козьмин, — «ее особым политическим положением и выполнением заданий общесоюзного масштаба». А вот дефицитность проектируемой Лено-Байкальской области в глазах Козьмина не имела «за собой ни политического, ни хозяйственного оправдания; это — лоскутная область, состоящая из частей, оторванных от областей естественного хозяйственно-географического тяготения». Бурят-Монголии, конечно, не надо входить ни в какую область, поскольку, — утверждал Козьмин, — она «обладает достаточной территорией и достаточными кадрами хозяйственно-организованного населения, чтобы в качестве самостоятельной области целесообразно построить плановое хозяйство»¹⁵.

С позицией Н.Н. Козьмина принципиально не согласился известный специалист в области экономической географии и статистики профессор Иркутского университета Клавдий Николаевич Миротворцев. Он считал, что ЛБО может стать вполне «жизнеспособной административно-хозяйственной единицей». Основной уклон необходимо направить на разработку горных богатств: золота, серебра, свинца, графита, слюды и др. Перспективна для области была и разработка угля, железа, соли. Но все это было возможно только на базе интенсификации хозяйства развитой

системе путей сообщения. Необходимо было также «увеличение и сгущение населения». Что касалось тезиса Н.Н. Козьмина о невозможности совмещения идеи организации области с выполнением национально-хозяйственных и политических задач автономной республики, то К.Н. Миротворцев отвечал следующее: «Организация смешанных областей из автономных образований и русских частей, входящих в РСФСР, была предусмотрена Госпланом в очень многих случаях и Лено-Байкальская область не составляет исключения». В то же время К.Н. Миротворцев отдавал отчет в том, что наиболее трудным являлся вопрос объединения с Бурят-Монгольской республикой. Но именно с точки зрения экономики никаких препятствий, по его мнению, не было. А «все доводы о возможности бездефицитного существования республики в будущем на основе развития сельского хозяйства и скотоводства в такой же мере применимы к любой части Лено-Байкальской области и ко всей области в целом»¹⁶.

Излагая свою позицию по экономическим аспектам проекта Лено-Байкальской области, Н.Н. Козьмин в своих статьях в журнале не ссылался на разнообразную источниковую базу, что делало весьма уязвимой его аргументацию. Об этом наглядно свидетельствует обращение к другим источникам по этой проблеме. Обратимся, к примеру, к брошюре И.Н. Коркина, специально посвященной вопросам построения бюджета Лено-Байкальского края, вышедшей в 1925 г. Брошюра основана на широком круге источников: материалах к бюджетам на 1924/25 хозяйственный год Иркутской, Забайкальской губерний и Бурят-Монгольской АССР, сводным материалам по бюджетам губерний Сибири, учетно-статистическим материалам главного финансового управления по Иркутской губернии, материалам Сибплана по построению бюджета Западно-Сибирской области и др.

И.Н. Коркин привел данные, согласно которым доходы в ЛБО предполагалось распределить следующим образом: Иркутская губерния 46%, Забайкальская губерния 25%, Бурят-Монгольская республика 19%, Канский уезд 10%. Что же касается расходов, то здесь ситуация стала бы иной: Иркутская губерния 41%, Забайкальская губерния 24%, Бурят-Монголия 27%, Канский уезд 8%. Таким образом, совершенно очевидно, что практически все административно-хозяйственные единицы, за исключением БМ АССР, тратили бы меньше, чем имели доходную часть. Иными словами, часть их доходов пошла бы в счет Бурят-Монголии, которая бы единственная тратила больше, чем имела собственных доходов. При этом дефицит по области, как указывал И.Н. Коркин, был исключительно по БМ АССР и определялся в 5% от общей суммы бюджета. Препятствовало ли это образованию Лено-Байкальской области, как утверждал Козьмин? Дефицит бюджета Уральской области на 1924/25 хозяйственный год составлял 7,3%, но никто не ставил вопрос о нецелесообразности по этой причине ее создания, — указывал И.Н. Коркин¹⁷. К тому же, учитывая принципы национальной политики, дефицит бюджета мог быть покрыт за счет ассигнований центра.

Помимо публикации проблемных статей, журнал информировал читателей о ходе районирования Сибири, постоянно высказывая при этом собственную позицию. В первом-втором номере за 1925 г. журнал опубликовал интервью с председателем госплана Бурят-Монголии И.А. Ильиным. Он и Василий Ильич Трубачев, который до октября 1924 г. работал секретарем Бурят-Монгольского областного комитета партии большевиков, а затем по решению Секретариата ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в Институт Красной профессуры на подготовительное отделение в Москву¹⁸ принимали участие в столице по вопросам районирования. И.А. Ильин сообщил, что накануне в Москве обсуждался вопрос о создании ЛБО. Иркутяне выступали однозначно за объединение путем образования этой области. Доводы их сводились к следующему. Иркутская губерния, включая потенциал Черемховского угольного и Лено-Витимского золотоносного бассейнов, давала до половины валовой продукции всей сибирской промышленности того времени. Кроме этого, представители Иркутской губернии представили и проект будущего развития Лено-Байкальской области. Она должна была развиваться на основе электрификации и привлечения бурят-монгольского и монгольского сырья. Были также разработаны основы проекта использования гидроресурсов Ангаро-Байкальской речной системы.

И.А. Ильин четко обозначил позицию, которую он отстаивал на совещании в Москве. Она сводилась к следующему: Центр будущей обрабатывающей и добывающей промышленности лежит не в Иркутской губернии, а в Бурят-Монголии. К тому же представители БМ АССР поставили вопрос: зачем предполагается производить такое огромное количество электроэнергии, если она не найдет применения в промышленности? И предложили, что электростанции надо ставить на границе с Монголией, на р. Темник, вблизи водного транспорта в сырьевом районе. Представители комиссии ВЦИК и ЦИК СССР по районированию заявили, что без учета мнения и согласия бурят-монгольской стороны вопрос о создании Лено-Байкальской области не может быть решен¹⁹. Вопрос и не был решен.

Вопросы внутри республиканского районирования нашли достаточно полное отражение на страницах журнала. Общие подходы к местному районированию предложил Н.Н. Козьмин. При этом необходимо было учитывать два момента. Первый. Основную ставку надо делать не на зерновое хозяйство, а на развития скотоводства, для которого имелись все климатические и почвенные условия. Второй. Плохое состояние (или их отсутствие) на территории республики средств и путей сообщения.

С точки зрения естественно-географических и хозяйственно-исторических условий всю территорию БМ АССР, по мнению Козьмина, можно было «разбить» на шесть крупных хозяйственных массивов, или районов. Это Ангарский район в составе трех западных аймаков: Эхирит-Булагатского, Боханского и Аларского с совокупным населением 95 тыс.

чел., проживавших на площади около 15 тыс. кв. верст. Ставку здесь следовало сделать на земледелие и скотоводство.

Второй район он назвал Приграничным. Он должен состоять из Тункинского и Троицкосавского аймаков. Он являлся одним из самых обширных по территории (около 67 тыс. кв. верст) и самых населенных районов республики (около 130 тыс. чел.). Перспективы района оценивались им высоко. При развитии скотоводства и обработки продуктов животноводства здесь могли быть созданы суконные и шерстяные фабрики.

Третий намеченный им район — Агинский — совпадал с одноименным аймаком, площадью около 24 тыс. кв. верст и населением 32 тыс. чел. чисто скотоводческим, по определению Козьмина. Наряду с развитием именно скотоводства можно было развивать курортное дело, а также соляную и содосульфатную промышленность.

Удинский район мог включать в себя г. Верхнеудинск, Верхнеудинский и Хоринский аймаки с общим населением 156 тыс. чел., что составляло тогда почти одну треть от общего населения республики. Площадь района могла составить около 68 тыс. кв. верст. По мнению Козьмина, здесь особое значение имело бы производство, обслуживающие основные отрасли промышленности: изготовление деревянной посуды, лодок, веревок, сетей для байкальской рыбопромышленности. Можно было также развивать кожевенное, шерстяное, мыловаренное, свечное и маслодельное и сыроваренное производства.

В Байкальский район должны были входить части Верхнеудинского, Баргузинского и Эхирит-Булагатского аймаков и все воды Байкала, находящиеся в границах республики и островами на нем. Площадь этого района предполагалось достаточно большой, а от населения там проживало всего лишь 8 тыс. чел. Козьмин в будущем видел здесь развитие горной промышленности.

В шестой, последний район, названный Таежным, входил один Баргузинский аймак. Самый большой по площади (около 100 тыс. кв. верст), но сравнительно слабо заселенный (примерно 25 тыс. чел.). Район был перспективен с точки зрения использования горных и лесных богатств и пушнины²⁰. Как видим, Н.Н. Козьмин считал целесообразным местное районирование, предложил его схему, в основу которой должно быть положено развитие хозяйства, в первую очередь скотоводства и обработки его продуктов. Развитию республики должно было способствовать кооперирование населения и развитие ее в соответствии с хозяйственным планом.

Деление республики на шесть хозяйственных массивов Н.Н. Козьмин считал основной, детализуясь от которой можно был приступить к более подробному делению. Такое деление было предложено им в статье, опубликованной в третьем-четвертом номере журнала за 1925 г. Какие принципы были положены им в основу? Козьмин подчеркнул, что «нужно в сильной степени учитывать национальный момент. Ибо в противном случае самый смысл автономной республики будет утрачен». Однако он

признавал, что русское и бурятское население было настолько «перемешано», что создавать районы по этническому принципу не представлялось возможным. Поэтому Козьмин условно наметил 16 районов, указав в них процент бурятского населения.

Итак, это Аларский район с населением 37912 чел. (бурят 51,3%), Боханский район (25 тыс. населения, из них бурят 56,3%), Эхирит-Булагатский (33 552 чел., бурят 67,9%), Тункинский (23 275 чел., бурят 59,8%), Закаменский (26 455 чел., бурят 60%), Селенгинский (44 440 чел., бурят 75,7%), Тамирский (24 872 чел., бурят 1,1%), Тугнуйский (20 233 чел., бурят 87,2%), Верхнеудинский (55 476 чел., бурят 6%), Мухоршибирский (20 409 чел., бурят меньше одного процента), Хоринский (25 552 чел., бурят 66,2%), Еравинский (13 694 чел., бурят 87,6%), Агинский (33 472 чел., бурят 87,8%), Баргузинский (20 608 чел., бурят 65,6%), Байкальский (бурят около 25%), Баунтовский (1500 чел., бурят меньше одного процента). Таким образом, вместо 9 существовавших аймаков и 56 хошунов Козьмин предложил создать 16 районов, что позволило бы, по его мнению, добиться значительных сбережений по административному аппарату²¹.

Общий подход по оптимизации управления при проведении внутри республиканского районирования был поддержан на страницах журнала. В редакционной статье журнала в 1926 г. указывалось, что промежуточное звено между аймаком (районом) и сомоном — хошун (волость) целесообразно убрать. При переходе на новое районирование должна была стоять хозяйственная деятельность. Исходя из этого, авторы журнальной статьи высказались за выделение из Верхнеудинского района Селенгинского промышленного района (района Гусиного озера, Темника, Убукуна) с перспективами переработки дешевой древесины на бумажную массу и химические продукты²².

Свои критерии для районирования Бурят-Монголии разработал Госплан республики. Районирование должно было проходить при соблюдении следующих требований. Областного и окружного деления в республике не вводилось. Для сравнения: соседний Сибирский край в то время был поделен на округа, а входящая в него бывшая Иркутская губерния на три округа (Иркутский, Киренский и Тулунский). В республике устанавливалась трехзвенная система управления: сомонный Совет (сельсовет), районное, центральное (республиканское) звено. Стремление в максимальной степени к созданию национальных сельсоветов; при этом этот принцип должен иметь место не только в отношении русских и бурят, но и украинцев, татар, «туземцев северных районов» и др. При этом создавать национальные районы там, где для этого есть предпосылки. При районировании необходимо стремиться к созданию мощных и целостных по территории районов. Что же касалось аппарата управления, то было признано необходимым приблизить его к населению, а также стремиться к максимальной экономии средств.

Исходя их вышеизложенного, особое совещание при Госплане республики наметило следующие районы. Сразу отметим, что их столько же, сколько намечал и Н.Н. Козьмин. Но многие районы были намечены не так, как предлагал Козьмин. Итак, обозначим эти районы, а потом выявим различия. Верхнеудинский район (площадь 10 248 кв. верст, население 44 152 чел.), Мухоршибирский (5124 кв. верст, 32 694 чел.), Кабанский (15 тыс. кв. верст, 43 423 чел.), Селенгинский (9503 кв. верст, 28 608 чел.), Троицкосавский (6679 кв. верст, 40 661 чел.), Джидинский (18 869 кв. верст, 35 157 чел.), Хоринский (19 746 кв. верст, 26 333 чел.), Еравинский (28 949 кв. верст, 10 905 чел.), Агинский (24 470 кв. верст, 33 492 чел.), Тункинский (30 540 кв. верст, 23 961 чел.), Аларский (4030 кв. верст, 40 036 чел.), Боханский (4700 кв. верст, 26 412 чел.), Эхирит-Булагатский (31 100 кв. верст, 34 707 чел.), Баргузинский (52 500 кв. верст, 25 842 чел.), Северобайкальский (30 тыс. кв. верст, 2910 чел.), Баунтовский (80 тыс. кв. верст, 742 чел. и еще около 3 тыс. приискового текучего населения, преимущественно китайцев)

При этом весьма существенно отметить следующих три момента. Первый. Госплан республики включил в схему районирования Кабанский район, в то время как эта территория еще принадлежала Иркутскому округу Сибирского края. Да, на тот момент вопрос о передаче его в состав Бурят-Монголии был поднят руководством республики, но положительного решения центральных властей еще не было. Второй. При рассмотрении вопроса о районировании Боханского аймака совещание сочло необходимым присоединить к последнему бывшую Евсеевскую волость Иркутского округа, расположенную узкой полосой между западной границей Боханского аймака и р. Ангарой, чтобы соединить оторванный пересполосицей Аларский аймак с основным массивом БМ АССР. И третий. Совещание сочло возможным присоединить часть Читинского округа Дальневосточного края к Бурят-Монголии. Речь шла об образовании из него и из Агинского аймака двух районов: Агинского и Акшинского. В этом случае к Агинскому району должна быть присоединена ст. Оловянная и поселок при ней²³.

Такой подход, судя по всему, вызвал вполне резонные вопросы. В связи с этим А. Вурцбахер в другой статье, посвященной вопросам районирования, вынужден был сделать специальные разъяснения по этому вопросу. Он подчеркнул, что вопрос о присоединении к Бурят-Монгольской республике части Читинского округа, расположенного между Агинским аймаком и монгольской границей в соответствии с этим образования районов, а также соединения Боханского и Аларского районов посредством включения в состав первого из них бывшей Евсеевской волости Иркутского округа было выдвинуто в порядке «первоначальной постановки вопроса. Ни в одном из руководящих учреждений БМ АССР вопросы эти не рассматривались»²⁴. Но автор статьи, как видим, ничего не говорил о Кабанском районе, его возможной передаче из Иркутского округа в состав БМ АССР.

Какова же была судьба Кабанского района? 20 декабря 1925 г. состоялось решение ВЦИК РСФСР о присоединении Кабанского района к Бурят-Монголии. Фактически же он вошел в состав БМ АССР, судя по публикации, в середине марта 1926 г. С включением его в свой состав Бурят-Монгольская автономия получила значительную территорию, расположенную на южном берегу Байкала. Вся дельта р. Селенги отныне стала находиться в Бурят-Монголии, а весь Селенгинский водный путь входит в ведение БМ АССР. К республике перешел и значительный отрезок железнодорожного пути²⁵. Каким образом журнал оценил это событие? В юбилейной статье журнала, посвященной 10-летию октябрьской революции, отмечалось, что «ВЦИК, обсуждая вопрос о присоединении Кабанского района Иркутского округа к Бурят-Монгольской республике дал согласие на присоединение района, почти сплошь состоящего из русских. Это является заслуженной наградой трудящихся бурят-монголам, рабочим и крестьянам Бурят-Монгольской республики»²⁶.

Таким образом, вся южная и восточная часть побережья Байкала со всеми железнодорожными и водными путями целиком перешла к Бурят-Монголии. Кроме того, этот район был богат лесом, в котором произрастали ценные породы кедра. Южная и восточная части Байкала, кроме того, были богаты бурым углем, кварцевым песком, россыпным золотом, асбестом, мрамором и известняками. Бурят-Монголия получила более благоприятные условия для своего промышленного и промыслового развития.

Сравнивая проект районирования республики, предложенный Н.Н. Козьминым и проект районирования госплана БМ АССР, можно сделать следующие выводы. Количество районов совпадает: их 16. При этом по названиям: 12 (Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Тункинский, Селенгинский, Верхнеудинский, Мухоршибирский, Хоринский, Еравинский, Агинский, Баргузинский, Баунтовский). Четыре района из предложенных Козьминым не нашли подтверждения в схеме районирования госплана Бурят-Монголии.

Все районы по экономическим признакам были разделены на четыре группы. В первую группу входили земледельческо-скотоводческие, во вторую скотоводческо-земледельческие, в третью — скотоводческие, а в четвертую — промысловые районы. Больше всего было намечено районов второй группы: семь (Акшинский, Тункинский, Хоринский, Баргузинский, Эхирит-Булагатский, Селенгинский, Джидинский). В первую группу входило пять районов (Верхнеудинский, Мухоршибирский, Аларский, Боханский, Троицкосавский). В третью и четвертую по два: соответственно Агинский и Еравинский; и Северо-Байкальский и Баунтовский.

Что же касалось национального аспекта, то можно было выделить районы с преобладающим бурятским населением, с преобладающим русским населением, и районы, в которых имелось относительное равное количество русских и бурят. К первой группе относились Агинский район (88% бурят и 12% русских), Селенгинский (соответственно 78% и

22%), Эхирит-Булагатский (72% и 28%), Хоринский (65% и 35%), Еравинский (63% и 37%), Тункинский (61% и 39%), Джидинский (60% и 40%). Во второй группе относились Северо-Байкальский и Баунтовский районы, в которых преобладало исключительное русское и ороченское население, Кабанский район (9% бурят и 91% русских), Верхнеудинский район (12% и 88%), Мухоршибирский (28% и 72%), Троицкосавский (31% и 69%). К третьей группе Боханский район (56% и 44%), Баргузинский (53% и 47%) и Аларский (51% и 49%)²⁷. Таким образом, из 16 районов бурятское население преобладало только в 7 районах, то есть в меньше, чем в половине районов Бурят-Монголии. В 6 районах преобладало русское население, то есть больше, чем в одной трети районов. И в трех районах было относительное количественное равенство двух народов, в течение столетий населявших эти земли.

В 1927 г. разработка проекта районирования Бурят-Монголии была завершена. Проект был составлен в соответствии с постановлением Третьего съезда Советов БМ АССР, одобрен БурЦИКом и представлен на утверждение ВЦИК Советов РСФСР. Новое деление республики было построено на трех принципиальных положениях: физико-географическом, экономическом и национальном. Для того чтобы зафиксировать национальный характер республики и соблюсти единство форм и названий, было предложено именовать все районы аймаками.

Итак, как и было намечено ранее, было образовано 16 аймаков. Посмотрим, какие же произошли изменения по сравнению с предыдущим проектом районирования. Баргузинский аймак (площадь 27 924 кв. версты, население 29 652 чел.), Баунтовский (63 521 кв. верста, 2500 чел.), Верхнеудинский (12 498 кв. верст, 54 018 чел.), Мухоршибирский (5318 кв. верст, 33 397 чел.), Селенгинский (14 744 кв. версты, 50 840 чел.), Закаменский (12 846 кв. верст, 18 326 чел.), Кяхтинский (7040 кв. верст, 40 653 чел.), Хоринский (19 537 кв. верст, 27 655 чел.), Еравинский (29 133 кв. версты, 11 824 чел.), Тункинский (2500 кв. верст, 26 539 чел.), Кабанский (9099 кв. верст, 39 443 чел.), Северобайкальский (30 500 кв. верст, 3269 чел.), Аларский (4030 кв. верст, 42 216 чел.), Боханский (4700 кв. верст, 28 036 чел.), Эхирит-Булагатский (13 686 кв. верст, 37 429 чел.), Агинский (24 100 кв. верст, 38 063 чел.)²⁸.

В результате районирования Бурят-Монголии в 1927 г. вместо 9 аймаков-уездов и трех районов было создано 16 районов, ликвидировано 55 хошунных и волостных исполкомов. Шесть аймаков остались прежними по территории и по населению. Кабанский район заметно увеличил площадь и население. Три района были образованы из старых аймаков-уездов с сохранением старой резиденции с изменением территории и населения. Вновь образованы были четыре района из бывших аймаков-уездов и два бывших района остались без всякого изменения²⁹. Таким образом, значительная часть вновь образованных районов осталась без изменения границ и численности населения.

Конкретизируя сказанное, сравнивая первоначальный проект внутри республиканского районирования и отмеченный выше, можно сделать следующие выводы. Практически не изменилась проектируемая площадь западных аймаков, находящихся в пределах бывшей Иркутской губернии (Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский аймаки). Незначительно изменилась территория Северобайкальского, Мухоршибирского, Кяхтинского (Троицкосавского), Хоринского, Еравинского, Агинского аймаков. Вместо Джидинского стал Закаменский аймак с примерно равной площадью. Увеличилась территория Верхнеудинского, Селенгинского аймаков. Напротив, уменьшилась территория Баргузинского, Баунтовского, Тункинского и Кабанского аймаков. Остальные критерии выделения районов (аймаков) остались прежними. По хозяйственно-экономическому признаку их можно было разделить на земледельческо-скотоводческие, скотоводческо-земледельческие, скотоводческие и промысловые. По национальному признаку на бурятско-русские, русско-бурятские и с примерно равными половинами тех и других. Однородных по национальному составу аймаков не получилось и не могло получиться в силу исторической чересполосицы расселения русских и бурят.

Итак, что же представляла БМ АССР после проведения районирования? Выделенная из Иркутской губернии и Забайкальской области в 1922–1923 гг. Бурят-Монгольская АССР занимала площадь в 394,7 тыс. км². В итоге территория Бурят-Монголии была расчленена на три неравных обособленных массива. На западе Аларский аймак располагался среди бывшего Иркутского округа и был отделен узкой полосой от соседнего Боханского аймака. На востоке Агинский аймак был вкраплен в территорию Дальневосточного края. И, наконец, центральный, самый большой по площади массив состоял из 14 аймаков. Количество населения было распределено крайне неравномерно и колебалось от трех тысяч жителей в Северо-Байкальском туземном аймаке до 60 тыс. жителей в Верхнеудинском аймаке. Аналогичное положение было и с территориальными характеристиками. Баунтовский туземный район имел площадь до 71,5 тыс. км², а Аларский примерно 5,1 тыс. км². При этом плотность населения Аларского аймака превышала плотность населения Баунтовского аймака в 332 раза.

В июле 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР на территории Сибирского края были ликвидированы округа и образован Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске³⁰. В связи созданием Восточно-Сибирского края по постановлению Пятого съезда Советов (январь 1931 г.) Бурят-Монгольская автономная республика вошла в состав края с сохранением полной самостоятельности и всех прав, предоставленных ей по Конституции РСФСР и БМ АССР. Какой же удельный вес в составе края занимала Бурят-Монголия? По территории — 11,8%, по населению — 19%, из них по городскому населению — 10,3%. Экономические показатели выглядели следующим образом: валовая продукция ценовой промышленности составляла 10,6%, а сумма торгового оборота 14,1%³¹.

Таким образом, анализ материалов публикаций журнала «Жизнь Бурятии» по заявленной в названии статьи теме позволяет сделать следующие выводы. Авторы журнала приняли самое активное участие в дискуссии о районировании Сибири и проекте создания Лено-Байкальской области. При этом общие подходы к районированию Сибири не подвергались сомнениям, а тем более, какой бы то ни было критике. Н.Н. Козьмин ни разу ни по одному поводу не высказался против принципов районирования РСФСР и Сибири, признавая целесообразность создания проектируемых областей. Всех, кроме Лено-Байкальской области. Сам проект создания ЛБО с самого начала встретил категорическое неприятие. Его доводы были основаны на слабой статистической базе, часто повторялись, были заиклены на одну тему. Стиль его статей более эмоционален, чем аналитичен.

Одним из основных доводов Н.Н. Козьмина был тезис о безнадежности объединения дефицитных территорий. Но как объяснить, например процесс объединения Иркутской области с Усть-Ордынским бурятским национальным округом весной 2006 г.? Последний, что ни для кого не являлось секретом, являлся «дефицитным», очень дотационным регионом Российской Федерации. А все интеграционные процессы в мире, когда кто-то обязательно сильнее другого?

Но главное, что в основе позиции авторов журнала была четко или завуалированно высказанная боязнь потерять статус автономной республики, полученный ею в 1923 г. Все доводы их оппонентов об экономической целесообразности создания единого административно-хозяйственного образования при сохранении особого статуса БМ АССР не принимались и отвергались. Позиция авторов журнала заключалась в том, что республика не желает объединяться со своими «бедными соседями», а, напротив, является хозяйственно самостоятельной и имеющей хорошие экономические перспективы. Это подкреплялось также постоянными ссылками на неуклонное следование принципам национальной политики Советской власти, предоставившей бурят-монголам статус сначала автономной области, а затем и республики. Это расценивалось как нечто святое, на что ни в коем случае нельзя посягать.

Проект создания Лено-Байкальской области (края) не был реализован во многом потому, что этого не хотело административное и хозяйственное руководство Бурят-Монгольской АССР. При этом оно действовало последовательно, не меняя своих позиций и проявляя политическую волю. В связи с этим заслуживает внимания следующее признание первого секретаря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М.Н. Ербанова³², сделанное им на заседании бюро Восточно-Сибирского крайкома партии. Он заявил следующее: «Когда поднимался вопрос об организации Бурят-Монгольской республики шли большие споры о так называемой Лено-Байкальской области. Было очень много сторонников хождения в эту область. Когда был поставлен вопрос об организации Восточно-Сибирского

края, я первый поставил вопрос о вхождении в него Бурят-Монгольской республики. Ряд товарищей считали, что с этим вопросом можно пока обождать. Я был тогда у В.М. Молотова, он спрашивал меня о настроениях организации в этом вопросе, поставил вопрос не лучше ли подождать с вхождением БМ АССР в Восточно-Сибирский край. Я заявил, что никакими осложнениями это не вызовет. Но отдельные товарищи не очень хорошо относятся к Восточно-Сибирскому краю. С такими настроениями, я считаю, нужно бороться. Может быть, что я недостаточно решительно с этими фактами борюсь. На заседании Бурятского обкома были такие настроения, что край нам недостаточно помогает, не отвечает на те или иные запросы. Я всегда обрезаю такие разговоры»³³.

Вопрос о том, хороша или не очень была бы Лено-Байкальская область, будь она создана, относится в настоящее время к числу тех, на которые дать убедительный ответ не возможно. Нельзя оценивать то, чего не было. Можно лишь констатировать убедительность доводов и их обоснованность как сторонников, так и противников этого проекта.

Факт присоединения к Бурят-Монголии от Иркутского округа бассейна р. Селенги (Кабанский район), означавшего значительное территориальное расширение БМ АССР журналом был воспринят однозначно положительно. При этом эта территория была заселена преимущественно русскими, что нарушало те же принципы национальной политики. Но на это не обращалось внимания. Главное, что это укрепляло хозяйственное положение республики.

Внутри республиканское районирование следует признать продуманным и успешным. Бурят-Монголия была более равномерно распределена на отдельные хозяйственно-административные части как по величине территории, так и по количеству населения. В соответствии с этим был упорядочен и аймачный государственный аппарат.

Примечания:

¹ Басаев Г.Д. Михай Ербанов (1889–1938) // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 3. Улан-Удэ, 1999. С. 30.

² Ербанов М. К изданию нашего журнала // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 1.

³ Амагаев Г.М., Чимитдоржиев Ш.Б. Матвей Амагаев (1897–1944) // Выдающиеся бурятские деятели... С. 7.

⁴ Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист. Иркутск, 2006. С. 12.

⁵ Козьмин Н. Задачи районирования и положение вопроса в Буреспублике // Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 95–96.

⁶ Соллертинский Е.С. Научно-исследовательская работа в Бурятии и Экономический кабинет Госплана // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 106.

⁷ Сибирь — единая область // Жизнь Бурятии. 1924. № 2–3. С. 89.

⁸ В. К вопросу о районировании (по советской печати) // Жизнь Бурятии. 1924. № 4–5. С. 95–96.

- ⁹ Там же. С. 96.
- ¹⁰ Там же. С. 98, 100.
- ¹¹ Вурцбахер А. Районирование Бурреспублики // Жизнь Бурятии. 1926. № 7–9. С. 50–51.
- ¹² Козьмин Н. Бурят-Монгольская республика, как хозяйствующая область // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 3, 5–6.
- ¹³ В. К вопросу о районировании (по советской печати) // Жизнь Бурятии. 1924. № 4–5. С. 96–97.
- ¹⁴ Соллертинский Е.С. Научно-исследовательская работа в Бурятии и Экономический кабинет Госплана // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 107.
- ¹⁵ Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская республика — область (Доклад председателя секции по районированию при Госплане БМ АССРеспублики. Иркутск, 1924. С. 12–13.
- ¹⁶ Миротворцев К.Н. К вопросу о районировании Сибири (Лено-Байкальская область). Иркутск, 1924. С. 30–31, 35.
- ¹⁷ Коркин И.Н. Бюджет Лено-Байкальского края, его реальные предпосылки и примерное построение. Иркутск, 1925. Ч. 4. С. 16, 37.
- ¹⁸ Басаев Г.Д., Максанов С.А. Василий Трубочеев (1895–1938) // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 3. Улан-Удэ, 1999. С. 39.
- ¹⁹ Беседа с председателем Госплана И.А. Ильным // Жизнь Бурятии. 1925. № 1–2. С. 99–100.
- ²⁰ Козьмин Н. Перспективы планового хозяйственного строительства в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 16–19.
- ²¹ Козьмин Н. Задачи районирования и положение вопроса в Бурреспублике // Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 100–101.
- ²² Районирование и плановое хозяйство на местах // Жизнь Бурятии. 1926. № 1–3. С. 62–63.
- ²³ Вурцбахер А. Районирование Бурреспублики // Жизнь Бурятии. 1926. № 7–9. С. 52–53.
- ²⁴ Вурцбахер А. К критике проекта районирования // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 84.
- ²⁵ Е.С. Новый район Бурреспублики и его естественные ресурсы // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 105.
- ²⁶ Головачев И. Советское строительство в Бурреспублике к моменту 10-ой годовщины Октябрьской Революции // Жизнь Бурятии. 1927. № 10. С. 14.
- ²⁷ Вурцбахер А. Районирование Бурреспублики // Жизнь Бурятии. 1926. № 7–9. С. 54, 58.
- ²⁸ Вурцбахер А. Районирование республики // Жизнь Бурятии. 1927. № 4–6. С. 52–53.
- ²⁹ Якимов А.М. Вопросы низового советского аппарата Бурятии // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 25.
- ³⁰ Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Составитель, автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 542.
- ³¹ Статистико-экономический очерк БМ АССР (К контрольным цифрам народно-хозяйственного плана на 1931 г.) // Жизнь Бурятии. 1931. № 1–2. С. 9, 12.
- ³² Басаев Г.Д. Указ. соч. С. 30.
- ³³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 123. Оп. 1. Д. 430. Л. 138.